18+

А.А. Казаков

ЛЮДИ В КАРТИНКАХ

Сборник рассказов

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

А. А. Казаков

Люди в картинках. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Казаков А. А.

Люди в картинках. Сборник рассказов / А. А. Казаков — «Издательские решения»,

Что общего у отца, чей сын научил собаку опасной команде, девушки, принявшей унижение за искусство, и участника лотереи, где проигравшие обязаны умереть, а победители — убить? Все они люди в картинках. Восемнадцать рассказов, в которых жизнь соскальзывает в гротеск, ужас или абсурд и замирает за секунду до того, как зритель отведёт взгляд. Здесь нежность режет больнее жестокости, абсурд оказывается точнее реализма, а финалы бьют туда, где не ждёшь.Книга содержит нецензурную брань.

© Казаков А. А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Толкни меня	7
Прости, Тина	12
Жажда внимания	16
Блабл и Мастер маскировки	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Люди в картинках
Сборник рассказов

А. А. Казаков

© А. А. Казаков, 2026

ISBN 978-5-0071-4190-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается Н. Б.

От автора

Перед Вами сборник рассказов тёмной прозы.

Восемнадцать историй о людях, находящихся на грани или за ней. Истории разнятся по жанру: от грязного до магического реализма, от нуара до антиутопии и притчи-робинзонады. Это коктейль из вымышленных людей и ситуаций.

Повторюсь: эта книга вымысел. Герои и сюжеты выдуманы. Все совпадения с реальными людьми, ситуациями, событиями и местами случайны.

Все натуралистические сцены насилия, описанные в этой книге, раскрывают героев и двигают сюжет. Я не преследую цели обидеть кого бы то ни было. Я против насилия во всех его проявлениях.

Данная книга не рекомендуется для прочтения людьми, не достигшими восемнадцатилетнего возраста.

Приятного чтения.

Толкни меня

Мой сын научил собаку толкаться, и это стоило ему жизни.

Всю свою короткую жизнь мой сын провёл в посёлке Сухое Дно. И почти все десять лет он мечтал о собаке. Мы с женой не соглашались, так как у старшего сына была аллергия на шерсть животных. Мой старший сын не был моим в полном смысле этого слова. Он был от другого брака, и я женился на его матери, когда ему было шесть. Через год после свадьбы у нас с женой родился наш мальчик, который наполнил мою жизнь смыслом.

Мы с женой не были богаты. Я работал в исправительной колонии, контролировал быт и регламент жизни заключённых. Шесть дней в неделю я надевал форму и уходил на работу в семь утра, а возвращался в семь вечера. Сейчас, оглядываясь назад, я жалею о том, что уделял своему сыну меньше времени, чем следовало. Я обеспечивал комфортную жизнь обоим своим детям, пока жена растила их и занималась воспитанием.

Когда старший сын закончил школу и уехал учиться в университет в город за триста километров от Сухого Дна, я выдохнул. Мне так и не удалось найти с ним общий язык. Он был неуправляемым. Срывал уроки в школе, из-за чего его мать каждую неделю вызывали в кабинет к директору. Однажды руководство школы настояло на том, чтобы я пришёл к ним — старший сын тогда заканчивал девятый класс. Директор школы, усатый седовласый мужик, который мотался на эту работу пять раз в неделю из другого посёлка, расположенного за пятьдесят километров, сказал мне, что ему нет смысла заканчивать все одиннадцать классов; следует отправить его в колледж уже следующей осенью, после окончания среднего звена.

— Жена против. Она хочет, чтобы он стал инженером. Мы намерены добиваться его поступления в университет.

Директор лишь покачал головой. Мы понимали друг друга: двое мужчин, оба делающие то, что должны, чтобы наши семьи были счастливы.

Я любил свою жену и обещал ей, что всегда буду заботиться о её сыне, как о своём собственном. Но одиннадцатый класс он закончил на одни тройки. И к окончанию школы мы с женой практически не видели его. Мой старший сын ночевал то у друзей, то у девушек. Домой приходил только для того, чтобы поесть и помыться. А ещё взять у нас денег.

Однажды он пропал на три дня, не отвечал на звонки матери — я практически не созванивался с ним. Моя жена впала в истерику, не знала, куда себя деть. Она потеряла аппетит и умом уже похоронила его. Так что когда он наконец-то объявился, мои нервы сдали. Я схватил его за грудь и прижал к стене. Признаюсь, меня выбесила та беспечность, с которой он появился на пороге дома. Он махнул мне из-за угла дома и сказал, улыбаясь, как ни в чём не бывало:

— Какие дела, пап? Всё норм?

После этого я впервые в жизни наорал на него так, что мои слюни летели ему в лицо, пока я говорил, всё сильнее вдавливая его в стену. Он испугался, это было видно по тому, как округлились его серые, как у матери, глаза. Как затряслись пухлые — снова как у матери — губы. Я говорил ему, какой он беспечный и неблагодарный, раз думает, что может игнорировать свою мать, заставлять её беспокоиться о нём. Я вышел из себя, и я не горжусь этим.

Спустя неделю — на протяжении которой ни он, ни моя жена со мной не разговаривали — я отвёз его в город для поступления в университет. Надежда на то, что он поступит бесплатно, отпадала. Он подал документы на электротехнический факультет, и его зачислили. Платить в год следовало столько, сколько я зарабатывал за три-четыре месяца работы. Забегая вперёд, скажу, что позже его отчислили, и он ушёл в армию. Где он сейчас, я не знаю.

Вскоре после его отъезда мой сын перешёл в шестой класс. У него дела с учёбой шли на порядок лучше. Он хорошо успевал практически по всем предметам, кроме физкультуры, и я

не давил на него из-за этого. Он читал всё, до чего дотягивался. Тема не имела значения. И вот кто действительно мог бы стать инженером, как по мне.

На его десятый день рождения мы с женой подарили ему собаку, появление которой и ознаменовало собой конец нашей прежней жизни.

К тому времени мы с женой перестали спать вместе. Большую часть дня она проводила вне дома, занимаясь фотографией. У неё был свой фотокабинет, где она пропадала сутками. Иногда работала, иногда пряталась от всех — так мне казалось.

— Вы с мамой разведётесь? У вас не всё хорошо, да? — Такой вопрос задал мне мой сын в ту осень, когда его брат поступил в университет, где, как я полагал, он и не учился вовсе, а только посещал всевозможные вечеринки, живя за мой счёт.

— Мы с твоей мамой очень любим друг друга, — ответил я и, подумав, добавил: — но сейчас у нас и правда не всё гладко. Такое бывает.

Он спросил, не из-за него ли это, на что я не смог сдержать чувств, нахлынувших на меня, и заплакал. Мой сын обнял меня, мы сидели на крыльце нашего дома, и в лучах заходящего солнца его глаза — карие, как у меня — казались глубже и взрослее, чем положено десятилетке.

Собака, которую мы ему подарили, была находкой. Он стоил шесть моих зарплат, и жена долгое время пыталась вразумить меня, говоря, что можно взять пса из приюта. Но моему мальчику хотелось именно такую породу, так что я не сказал жене, когда купил его. Она узнала в тот же день, что и мой сын. После этого отношения с женой уже не будут прежними.

Австралийская овчарка. Пятнистая. Чёрно-белая с голубыми глазами. Сын назвал его Ромбик. Это был самый добрый пёс из всех. Он не кусался, любил находиться среди людей. Когда по вечерам мы с женой и сыном смотрели телевизор, Ромбик ложился у наших ног. Спал он с сыном, сын же о нём и заботился.

После того как мой старший сын уехал, я стал работать по пять дней вместо прежних шести в неделю, так что денег стало меньше, и это разозлило жену. Но я хотел больше времени проводить со своим мальчиком, опасаясь, что он вырастет таким же, как его брат. Я доверял своему сыну, но что-то подсказывало мне: я должен быть рядом с ним и, как оказалось, не зря.

Мой сын тренировал Ромбика сам по видео из интернета, и у него хорошо получалось. Иногда к нам приходил мой друг с работы, он служил кинологом, и давал пару советов. Мой друг, которого я знал больше двадцати лет, сказал, что я правильно сделал, что подарил сыну собаку. И это сильно подбодрило меня.

К началу весны Ромбик уже знал порядка двадцати команд, но выполнял их только за вознаграждение в виде каких-то вкусностей. Траты на собачий корм — а ел он, как выражалась моя жена, только корм премиум-класса — уничтожали то немногое, что оставалось от моей зарплаты. В один из дней, когда снег растаял ещё не полностью и погода стояла тоскливая, ветреная, я вернулся с работы раньше и увидел, как мой сын дрессирует Ромбика во дворе. Заметив меня, сын крикнул:

— Пап, смотри, как он может!

После этого мой сын сказал псу, показывая рукой, в которой держал корм, на меня:

— Ну-ка, толкни его.

И тогда Ромбик бросился ко мне, на бегу оглядываясь на своего хозяина, моего сына, и, преодолев расстояние между нами, толкнул меня так, что я, не ожидая такого, оступился и упал на забор из железной сетки. Собака весила двадцать килограммов и, хотя была маленькой, дури ей было не занимать.

Пёс выглядел радостным, громко дышал. Он бросился к моему сыну, чтобы получить своё вознаграждение за правильно выполненную команду, и мой сын был счастлив, как никогда.

— Ты как, пап? Норм?

Сын смеялся, и это радовало меня как ничто другое. Я заверил его, что всё хорошо. Но попросил не проворачивать такую штуку с его матерью, зная, что она вряд ли оценит.

Когда снег начал таять, река, петлявшая среди сосен за нашим домом, стала разливаться и выходить из берегов. Иногда, в годы обильных осадков, река затапливала наш участок за домом, смывая дощатый забор, который я давно намеревался заменить, но руки никак не доходили. Скорость реки в такие годы бывала высокой. Примерно в то же время моя жена уехала в город: проведать своего сына, который вот-вот должен был закончить первый курс, и отдохнуть от нас. Я воспользовался случаем и взял отпуск на пять дней, чтобы провести время с сыном. Он обрадовался тому, что я разрешил ему помочь мне с забором. Сначала нужно было убрать старый, а уже потом, когда вода сойдёт, поставить новый. Материалы я уже заказал, их должны были привезти в начале лета. А пока мы с сыном вдвоём разбирали старые доски, ползая по колено в воде, обутые в резиновые сапоги. Ромбик наблюдал за нами со стороны, скуля и тоскуя: иногда сын брал его на руки и нёс с собой через воду, после чего усаживал на какой-нибудь выпирающий из-под воды холм или пень.

На третий день отпуска мне позвонила жена и сказала, что нашего старшего сына отчисляют из университета, так как он не сдал экзамены по предметам за прошлый семестр. Это разозлило меня, и я сказал, что если он не закончит год, то я не пущу его домой, на что жена ответила, что в таком случае останется жить с ним в городе. Я спросил, как же её фотография? Как же кабинет, за который я платил аренду? Как же заказы, которых было не так много, но всё-таки? Она ответила, что ей всё равно на это. Я подавил гнев, вызванный её безрассудством, и сказал, что люблю её и понимаю её беспокойство за сына, но он уже взрослый мужчина, и мы не можем решать его проблемы и дальше. Тем более речь шла о его дисциплине, точнее, о её отсутствии. Но жена настояла на своём и осталась там.

К работе над забором я вернулся без настроения. Мой сын спросил, что случилось, и я сказал, что его мать пока остаётся в городе. Это расстроило его, и он немного поплакал.

За следующую неделю вода сошла с нашего участка, и река вроде как подуспокоилась. Я уже вернулся на работу, так что мой сын большую часть дня был предоставлен сам себе. Он гулял с Ромбиком, изучал окрестности, но всегда приходил домой к вечеру — до моего возвращения.

— Пап, помнишь команду «толкни»? Я показывал на тебе.

— Конечно. И как он, справляется? — Я указал на Ромбика, спавшего под столом, пока мы ужинали.

— Ещё бы! Сегодня я сказал ему ждать на дороге, а сам отошёл к лесу метров на сто, повернулся спиной и крикнул «толкни меня». Знаешь, что он сделал?

— Остаётся только догадываться…

Я изобразил недоумение, подыгрывая ему, и он рассмеялся.

— Он толкнул меня, представляешь? Подбежал и толкнул в спину так, что едва не уронил меня.

Рассказывая об этом, мой сын сиял. Я предупредил его, чтобы был аккуратен, играя у дороги. Машины в этой части посёлка практически не ездили, но подростки на мотоциклах, случалось, проезжали мимо на такой скорости, что за ними пули не поспеют.

Друзей у моего сына было мало, но его это не беспокоило. Неудивительно, что Ромбик стал его лучшим другом.

В один из вечеров я застал сына на краю нашего участка. Он стоял у реки и смотрел на воду. Вид у него был расстроенный. Ромбик сидел рядом, я погладил пса и спросил сына, что случилось.

— Мама не вернётся, да? Я звонил ей, она сказала, что пока не может приехать. Она не хочет нас видеть, пап?

— Нет, дружище. Тебя — точно хочет. Разве что меня — нет.

— Но ты ведь ничего не сделал, — запротестовал он.

— Может, и так.

Его слова ранили меня, как раскалённый прут — в самое сердце.

Отойдя подальше, я позвонил жене и накричал на неё — впервые за все годы нашего брака. Я сказал, что она нужна нашему мальчику, что он скучает по ней. И ждёт её возвращения.

— Я не могу приехать, пока мы со всем не разберёмся.

— Приезжай, прошу тебя.

— Я всё сказала.

После этого вечера сын впал в уныние. Возвращаясь с работы, я заставал его на краю участка, где он сидел у реки, которая всё ещё бурно плескалась и текла своим чередом. Ромбик пытался растолкать моего мальчика, развеселить его. Прыгал на него, приносил ему палку. Я даже подумал о том, чтобы взять ещё один отпуск за свой счёт, чтобы остаться с сыном до тех пор, пока он не воспрянет духом. Но всё обошлось.

В первый же день, когда он повеселел, случилось то, что случилось.

В субботу стояла солнечная погода, но было ещё холодно. Одетые в куртки, джинсы и ботинки мы с сыном и Ромбиком пошли гулять. Сын хотел показать мне место где-то в километре от нашего дома вверх по реке. Там он тренировал собаку перепрыгивать через поваленное дерево. Когда тренировка прошла, Ромбик разыгрался и никак не мог угомониться. Стоило нам оторваться от него, как пёс догонял нас и толкал в спину. Меня это не раздражало, а сына и вовсе веселило. Мы ушли далеко от дома, и я уже проголодался, когда предложил вернуться домой.

— Давай дойдём до обрыва, пап. Посмотрим на реку сверху.

Я согласился, хотя мне следовало отказаться. Я запрещал сыну играть на обрыве. Он был крутой, не был огорожен, и высота его достигала двадцати метров. На обрыве не было ни кустарников, ни деревьев, только пепелища от костров, которые разводили жители Сухого Дна, выбираясь сюда на выходные. Но я рассудил так: со мной сыну нечего опасаться, и мы пошли. Ромбик плёлся за нами, периодически обгоняя нас и уносясь прочь, но всегда возвращался.

— Не подходи близко к краю.

— Я только посмотрю, пап. Не бойся. Я делал так сто раз.

Признавшись в этом, он виновато улыбнулся, на что я покачал головой. Злиться я на него не мог. Я сказал, чтобы он не отходил от меня. И мы встали на обрыве, вглядываясь в мутную широкую гладь воды — эту мощь реки, бегущей внизу.

Мы стояли на обрыве бок о бок, и от пропасти нас отделяло лишь несколько шагов. Ромбик бегал среди деревьев вне поля моего зрения. Мы разговаривали, когда сын сказал мне:

— Мне немного стыдно, но я должен признаться тебе, пап.

— Да?

— Я рад, что уехала мама, а не ты. Очень рад.

— Я тоже, дружище. Рад, что я здесь. Но мама скоро вернётся. Вот увидишь.

Он не ответил. Только кивнул, расстроенный.

И в следующий миг я услышал топот лап, несущихся на нас. Я успел лишь обернуться, когда увидел, как Ромбик, которого я подарил своему сыну и которого он так любил, прыгнул на моего мальчика, стоящего у обрыва. И толкнул его.

Мой сын вскрикнул от удивления, обернулся и одновременно с этим шагнул назад. После чего упал с обрыва. Комья земли вылетели из-под его ботинок.

Сердце моё остановилось, но я машинально бросился к нему, пытаясь ухватиться за сына, но не успел. Всё выглядело как во сне. Вот мы стоим, разговариваем. А вот мой сын уже летит вниз, крича и размахивая руками. Он рухнул в воду со шлепком, и вода, такая предательская и беспощадная, поглотила его.

Всё, что произошло потом, я помню как в тумане. Ромбик залаял как сумасшедший, потом заскулил. Первой мыслью было прыгнуть за ним, но я не видел, где он, мой сын. А когда он всплыл, то лежал головой вниз. Смиренно отдавшийся потоку реки, он потерял сознание и уплывал от меня в сторону нашего дома.

Я бросился бежать к дому что было сил. Я не чувствовал своих ног и забывал, как дышать. В голове пульсировала лишь одна мысль: спасти сына, спасти сына, спасти сына…

Добравшись до дома, я увидел, как сын плывёт уже дальше, в той же позе, не подавая признаков жизни. Я кричал, я вопил. Я пересёк наш участок за несколько секунд и бросился в воду. Она была ледяная, ноги сводило, но я плыл за ним, плыл за своим мальчиком, то уходя под воду, то выныривая. Захлёбываясь, я пытался угнаться за ним, рассекая грязную воду, пока не потерял сознание. Последнее, что я увидел: Ромбика. Он бежал вдоль берега, преследуя меня. И то, как громко он выл, не оставляло мне надежды.

Меня вытащили рыбаки, они же вызвали полицию. Моего сына прибило к берегу в пяти километрах от дома. Его обнаружили лишь поздним вечером, так как кусты скрыли его бездыханное тело.

Ромбик до сих пор живёт со мной. Чего не скажешь о жене.

Прости, Тина

По случайному стечению обстоятельств в один дождливый день встречаю на автобусной остановке свою старую знакомую. Её зовут Тина. Когда-то мы учились вместе в университете. Были близки, насколько это возможно у студентов. Последнее воспоминание о ней: лето десятилетней давности, компания парней и девушек, среди которых есть и мы с Тиной, плаваем на Чёрном озере за городом — на Тине откровенный купальник, капли воды стекают по её загорелой коже, не оторваться, кто-то из парней толкает меня и говорит «макнул бы конец, а?» А сейчас я даже не сразу узнаю её. Одетая в белые обтягивающие брюки. Синюю джинсовую куртку. Русые волосы распущены, посередине пробор — как я люблю. Подхожу поздороваться, ни на что особо не рассчитывая. Я уверен, что она не узнает меня. И каково же моё удивление, когда не успеваю я и рта открыть, как она здоровается со мной первой. Улыбается во весь рот: зубы белые, ровные. Губы пухлые.

— Привет! — говорит Тина, протягивая ко мне руки.

В одной из них зажат телефон.

Мы обнимаемся. Это приятно удивляет.

Она спрашивает, как мои дела. Отвечаю ей:

— Порядок. Как ты?

Она корчит мордочку, говорит, что день паршивый. Ездила на встречу с клиентом по работе, а телефон разрядился, так что такси не вызвать. Автобусов тоже нет: на остановке стоит уже полчаса. Прячется от дождя. Дождь стучит по крыше остановки, как армия раздосадованных голубей. Тина трясёт телефоном, называет его никчёмным, мёртвым куском.

Потом спрашивает: не могу ли я вызвать ей такси.

— Хорошо, что ты подошёл. А то пришлось бы обращаться к какому-нибудь незнакомцу, — говорит Тина, выдыхая.

— Нет проблем, — говорю.

Достаю телефон, набираю номер такси.

— А через приложение нельзя? — спрашивает Тина.

— Не вариант, — говорю. — Посмотри сама.

Показываю ей телефон. Старый, кнопочный. Тина моргает, не веря глазам.

— То есть… приложения… у тебя… нет?

— Нет, — отвечаю. — А есть разница?

Я прошу прислать машину на адрес дома, в котором живу, потому что никакого другого ориентира поблизости нет. Объясняю Тине, что придётся немного пройтись.

— Это далеко? — спрашивает она как-то неуверенно.

— Через дорогу.

Я снимаю свою куртку и держу её над головой Тины. Это нетрудно. Она ниже меня ростом.

— Это так мило, — говорит она. — Спасибо большое.

Когда мы переходим дорогу, она спрашивает:

— Чем занимаешься? Учишься? Работаешь?

Она называет меня по имени, и в этом наборе звуков проскальзывает что-то чужое, инородное. Словно и не обо мне речь идёт. Это пугает меня, как и тот факт, что Тина, такая красивая и светлая, стоит в этой серой, невзрачной части города.

— Ничем, — говорю правду. — Нигде не работаю.

— Вот как? — спрашивает, удивляясь. — А что так плохо? — В вопросе ни насмешки, ни порицания.

— Ага, — говорю, а сам смотрю себе под ноги.

— Ну ничего, — говорит Тина и гладит меня по руке.

Спрашиваю из вежливости: где она работает.

Называет какую-то компанию, занимающуюся продажей недвижимости.

— Ты риелтор? — спрашиваю.

— Угу. Точно.

— И как тебе?

— Деньги хорошие.

Я замечаю, что, говоря это, она не смотрит мне в глаза.

Мы подходим к дому, в котором я живу. Старое многоэтажное здание.

Такси не едет. Я звоню — говорят, ведётся поиск.

— Ну что так долго, — говорит Тина.

Я уже собираюсь ретироваться, когда она говорит:

— Знаешь что? Я хотела бы позвать тебя выпить как-нибудь кофе. Поболтать о разном. Что скажешь?

Я не ожидал такого.

— Хорошая идея, — говорю.

Пауза. Я замечаю, что она уже дрожит.

Я говорю:

— Я собираюсь продавать квартиру.

— А что так?

— Думаю переехать.

— Куда?

— Подальше отсюда.

— Ещё не решил, значит?

— Ага. Если хочешь, можем выпить кофе у меня дома. Заодно произведёшь первичную оценку квартиры. Краем глаза. По старой дружбе.

— Вот оно что, поняла.

— Я не настаиваю, но вижу, что ты уже здорово устала. Да и я, честно говоря, замёрз. Заодно зарядишь телефон. Вызовешь такси через приложение.

— Ты весь промок, — говорит Тина, будто соглашаясь со мной.

Она трогает мою прилипшую к телу футболку. Потом смотрит в пустоту. Думает.

— Тебя дома кто-то ждёт? — спрашивает Тина.

— Нет, — говорю. — А что?

— Нет, — отвечает. — Но как-то неудобно.

— Это лучше, чем стоять под дождём.

Заходим в подъезд. Мне холодно. Меня бьёт дрожь.

В квартире разуваемся. Она ставит телефон на зарядку в коридоре. Через минуту он оживает.

— Слава богу, — говорит с облегчением.

Вызывает такси. Пять минут.

Я завариваю кофе. Чёрный, с сахаром. Ей делаю что-то посложнее — кремовый, с обезжиренным молоком и каплей сиропа, в стакане с трубочкой. Мы садимся на кухне.

Тина спрашивает что-то о метраже квартиры, о том, в каком году построен дом. Я отвечаю приблизительно. К моему удивлению, дальше этого диалог о квартире не идёт.

— Наверное, тебе следует переодеться, — говорит она.

Она права. Я ухожу в спальню.

Снимаю футболку, снимаю штаны.

Остаюсь стоять в одних трусах, когда дверь открывается.

В спальню заходит Тина.

Осматривает моё тело, качает головой.

— Ты такой худой, — говорит. — Кошмар просто.

Я пожимаю плечами.

Она смотрит мне в глаза.

Ловит трубочку в стакане с кофе губами, посасывает, делает глоток.

Мы просто молча смотрим друг на друга какое-то время.

Я в трусах. На ней мокрая одежда. Джинсовку она сняла. Теперь на груди только обтягивающий топ. Живот голый, пупок проколот.

Мне кажется, я начинаю понимать, что происходит.

— Риелтор, — говорю, осматривая её фигуру. — Хорошая работа, наверное?

— Прибыльная, — отвечает. И загадочно улыбается.

Я не отступаю:

— Встреча с клиентом, значит.

— Точно.

— И кто покупает квартиры в районе, откуда все уезжают?

— Кто-то, — отвечает, пожимая плечами. — По-разному.

— Покупка? Или продажа?

— Не донимай, — говорит.

— Это простой вопрос.

— Так неинтересно.

Подходит ближе.

— Могу я вытереть волосы?

— Конечно, — говорю.

Вынимаю из шкафа полотенце, передаю ей. Она подходит к зеркалу, которое занимает весь фасад шкафа. Смотрит на своё отражение. Встречается со мной глазами, потупляет взгляд. Вытирает волосы, откидывая их то в одну, то в другую сторону. Стоит ко мне спиной, я смотрю на её ягодицы. Она видит это — не может не видеть — и ничего не говорит.

— Могу я воспользоваться феном? — спрашивает.

Я забираю свою мокрую одежду в ванную, бросаю в корзину для стирки. Нахожу фен. И только тогда понимаю, что всё ещё хожу в трусах. Халатов я не ношу. Вся чистая одежда — в спальне.

Скрипя зубами, возвращаюсь обратно.

И вижу Тину в одном белье.

Она сидит на краю кровати, склонив голову.

Плоский живот. Большая грудь. Длинные голые ноги.

Я нисколько не удивляюсь. Потому что уже всё понял.

— Ты проститутка, — говорю.

— Зачем же так грубо? — спрашивает.

Бросаю фен на кровать.

— Тебе пора, подруга, — говорю.

Она хлопает длинными ресницами в растерянности. Поднимается с кровати. Подходит ко мне вплотную. Кладёт руки мне на плечи, затем обвивается ими вокруг моей шеи.

— Не заводись. Всё хорошо.

Её руки гуляют по моему телу.

— Разве многое нужно двоим для счастья?

Я сглатываю слюну. Она шепчет мне на ухо — её дыхание обжигает:

— Ты хотел меня ещё тогда, верно? Когда мы были студентами? Так зачем отказываться, когда возможность сама идёт тебе в руки? Расслабься.

— Твоё такси должно было уже приехать.

Она отстраняется.

— Если дело в деньгах, я сделаю тебе большую скидку. Как старому другу.

— Будь другом, уйди.

Глаза её проясняются. Тина отталкивает меня. Одевается.

Проходит в коридор. Забирает телефон с зарядки.

Она в спешке обувается. Хватает джинсовку.

И вылетает из квартиры.

Я ополаскиваю стакан, из которого она пила.

Наливаю себе ещё кофе. Обдумываю всё произошедшее.

А потом набираю тёплую ванну. И растворяюсь в воде, думая о своей девушке, которая бросила меня неделей ранее. Как она там сейчас? Но важнее — с кем?

Жажда внимания

Во вторник утром съёмочная группа публикует твои снимки в своём профиле в Сети, на который подписано больше десяти миллионов человек. Глядя на эти снимки, ты чуть не плачешь. Внутри у тебя всё трепещет.

Десять миллионов. Вот столько людей увидят меня.

Всё утро, собираясь на работу, ты проверяешь свой профиль.

Плюс пятьсот человек.

Плюс пять тысяч.

Люди подписываются на тебя.

Люди пишут тебе сообщения.

Оставляют комментарии под твоими старыми фотографиями. Большинство из них ты удалила. Потратила весь вчерашний вечер, подчищая свою историю.

Они обсуждают тебя.

Накануне тебе по видеосвязи позвонил сам режиссёр съёмочной группы и сказал, глядя на тебя сквозь круглые солнцезащитные очки в оправе из золота:

— Завтра ты проснёшься известной.

Режиссёр подкурил сигарету и сказал, указывая на тебя пальцем с большим золотым перстнем:

— Постарайся не облажаться, ладно?

Ты заверила, что сделаешь всё возможное.

А ещё ты, сама того не желая, стала благодарить его за то, что он и его съёмочная группа обратили на тебя внимание. Выбрали тебя из миллионов претендентов.

— Это так волнительно, знаете, — говоришь ты, пока режиссёр чистит нос ушной палочкой. — Чувствовать себя особенной. Понимать, что ты — ты единственная, кого выбрали. Из всех моделей. А я ведь ничем не лучше других.

— Точно, — отвечает режиссёр, не меняясь в лице: всё та же отстранённость, всё то же безразличие. — Ты ничем не лучше других.

На секунду ты теряешь дар речи. Не знаешь, шутит ли он — режиссёр тот ещё шутник, ты помнишь историю, которая освещалась в интернете несколько лет назад, когда режиссёр поджёг целую команду видеоблогеров и заставил их пробежать дистанцию прямо по причалу: кто первый достигнет воды — тот выиграл. Победил парень, который додумался сойти в море на старте: просто спрыгнул, когда другие бежали, сгорая заживо. Позже, правда, этого парня съели рыбы, но это было уже в другом шоу, как тебе кажется.

— Тогда почему вы меня выбрали? — спрашиваешь ты, набравшись смелости.

Ты, как и другие, очень уважаешь режиссёра. За его талант. За его вклад в развитие искусства.

Ты ждёшь ответа. Смотришь на него в экранчике телефона, как люди смотрят на изображение бога на иконе. Странная мысль, но ты не гонишь её. Режиссёр такой и есть. Твой бог. Не меньше.

— У тебя большая жопа, — говорит режиссёр.

У тебя перехватывает дыхание. Ты готова расплакаться.

— Спасибо, — говоришь ты. — Это так… мило.

— Ну, бывай, — говорит режиссёр и отключается.

Ты чувствуешь трепет.

У режиссёра свой стиль. Кому-то он может показаться грубым. Но ты-то знаешь: он просто честный. И прямолинейный.

И вот твоя фотосессия опубликована в интернете.

Теперь твои фотографии везде.

Ты снова заходишь в свой профиль.

Плюс пятьдесят тысяч человек.

Плюс сто тысяч.

Твои фотографии сохраняют и пересылают тысячи и тысячи пользователей.

Твои мессенджеры вот-вот лопнут от наплыва сообщений.

Ты читаешь несколько из них:

дура

шлюха

сдохни сука тварь

как ты не понимаешь, что это тупо?

назови свой адрес, гнида.

Но ты не расстраиваешься. Ты просто блокируешь их. Добавляешь в чёрный список.

Тот, кто придумал такую функцию, — гений, как и режиссёр, думаешь ты.

Куда им до тебя? Они ничего не смыслят в искусстве.

Режиссёр так тебе и сказал:

— Эти люди не поймут тебя.

Он сказал это на съёмках, когда камеры уже были выключены, а ты лежала голая на металлическом столе среди горы фруктов:

— Они будут оскорблять тебя, будут говорить, что ты дура. И они будут правы. А теперь перевернись.

Ассистент режиссёра, молодой парень, сказал:

— Фотки будут отпадные, обещаю.

А оператор сказал, но как-то невнятно:

— Может, не стоит использовать в кадре огнемёт по прямому назначению?

Оператор сказал, но никто будто и не услышал:

— Вам не кажется, что засовывать в неё кочергу — это уже перебор? Сталь не любит сырость, знаете ли.

И хотя съёмки давно закончились, ты продолжаешь слушать режиссёра.

Потому что другим людям никогда не понять.

Какой это успех: поработать с таким мастером.

Ты делаешь маску для лица и думаешь: свершилось. Я знаменита.

Ты готовишь рисовую кашу, мешаешь содержимое кастрюльки деревянной лопаткой и думаешь: ну наконец-то.

Ты замечталась. И уже опаздываешь на работу.

Заказываешь такси. Можно и потратиться. Как-никак ты теперь звезда.

— Когда фотосессия будет опубликована, — сказал режиссёр, — тебе больше не придётся работать.

По дороге на работу читаешь статьи — реакция интернет-изданий на твою фотосессию. Ни одного комплимента. Ты вздыхаешь. Простые смертные… что с них взять, верно?

Статьи с заголовками вроде: «Талант — брат безумия?» Твоя любимая гласит: «Режиссёр совсем рехнулся? Или как стать шлюхой психопата».

Кто-то уже снимает видеообзоры, где твои фотографии разбираются досконально. Озвучивается мнение эксперта, какого-то психолога:

— Желание позировать для такой фотосессии объясняется тем, что девушка либо умственно отсталая и не понимает, что именно происходит. Либо она находится в плену, так что в любом случае её нужно спасать.

Ты переходишь к нему на страничку, у него нет и пятисот человек в подписчиках. Куда ему до тебя, верно? Он — никто.

Ещё один эксперт, уже в другом обзоре, говорит:

— Отстаньте вы от девушки. У неё просто стокгольмский синдром, как вы не понимаете?

Ты говоришь: спасибо. Я всегда знала, что у меня стокгольмские черты лица. Мой отец швед, это у меня от него — красота.

А ещё новости: «Неужели съёмка — настоящая?» «Режиссёр воздержался от комментариев». «Полиция проверяет подлинность фотосессии».

Тебе пишут угрозы. Тебя приглашают на шоу.

Твой профиль зависает. А потом и вовсе перестаёт работать.

Ты обращаешься в службу поддержки. Через минуту приходит ответ: «Не пишите сюда больше».

Режиссёр посылает тебе аудиосообщение:

— Надеюсь, ты довольна? Результат ошеломляет. Я слышал, за мою голову уже назначили вознаграждение. Вот это реакция, ха! У меня на столе — двадцать три повестки в суд. Моя жена подала на развод, а я и забыл о том, что она у меня есть. Моя дочь меняет фамилию, хотя до этого собиралась сменить пол — хоть что-то радует. Мне как раз делают пересадку лица, в целях безопасности, так что извини, что без видео. Удачи.

Ты думаешь: плевать на профиль. Всё уже в Сети. И оттуда этому добру уже никуда не деться.

— Ты останешься в памяти людей, — так сказал режиссёр, когда настраивал оборудование для очередного кадра. — Ты обретёшь бессмертие в этих снимках.

Ты приходишь в офис, поднимаешься на свой этаж, проходишь по коридору — все коллеги смотрят тебе вслед. Переодеваешься, устраиваешься на своём рабочем месте. Кто-то устроил здесь погром. Поверх бумаг — что-то похожее на какашку. Монитор разбит, клавиатуру выдернули. Повсюду твои снимки — разорванные, истерзанные. Коллеги прожигают тебя взглядами. Охранник берёт тебя за руку и ведёт в заднее помещение, прикрывая своей спиной, когда в тебя летят степлеры, папки-скоросшиватели и даже принтер.

Охранник, взрослый мужик, годится тебе в отцы, оставляет тебя за закрытой дверью и говорит, качая головой:

— Что же вы за молодёжь такая, а?

Он уходит.

Ты садишься за стол. Кто-то уже принёс сюда проектор. На стене отражается пустой экран.

Заходит директор филиала банка. С ним юрист.

Ты машинально хочешь встать. Директор, он твой ровесник, делает жест рукой:

— Не трать силы. Они тебе ещё пригодятся.

Оба садятся напротив тебя. За ними заходит охранник. Закрывает дверь на ключ изнутри.

Тебе становится не по себе.

— Это ради вашей безопасности, — говорит юрист. И поправляет очки.

— Чем я могу вам помочь? — спрашиваешь ты.

— Расслабься, — говорит директор. — Это лучшее, что ты можешь сделать.

Он включает ноутбук, что-то ищет в нём.

— Зачем я здесь? — говоришь ты.

Юрист возится с бумагами. На тебя он не смотрит.

За дверью шумит толпа.

Директор прислушивается, потом возвращается к ноутбуку.

— Ну и шумиху ты подняла, кошмар просто.

Тебе в голову приходит страшная мысль. Ты озираешься.

— Вы хотите убить меня? — спрашиваешь ты.

Другого выхода в комнате нет.

Все трое переглядываются. Директор смеётся.

— Убить? Нет. Но мы жаждем избавиться от тебя.

— Каким образом?

— Сделаем так, чтоб все думали — будто тебя здесь никогда не было.

— Составим документ, — говорит юрист. И улыбается.

— Мы хотим обезопаситься, — говорит директор. — Ты ведь понимаешь?

— Нет, не понимаю.

Директор вздыхает.

— Что, по-твоему, происходит? Вся эта шумиха. Все эти люди. Как думаешь, что творится в мире?

— Люди злятся, — отвечаешь ты.

— Точно. Сильно злятся. А почему? С чего бы людям так злиться?

— Из-за моей фотосессии.

— Снова в точку. А что с ней не так? Как сама думаешь?

— Она… слишком… смелая?

— Смелая? Твоя фотосессия смелая? — директор перестаёт улыбаться. — Тот факт, что такой, как ты, дали работу, — вот это смелое решение. Но что сделали вы — ты и этот режиссёр — это не смело.

— Это ужасно, — говорит юрист, подсказывая.

Директор пропускает слова юриста мимо ушей.

— Ты сама хоть понимаешь, как это мерзко?

Ты пожимаешь плечами.

— Это искусство.

Что ещё ты можешь ответить?

Директор вздыхает.

— Ладно. Покажи мне, где именно здесь изображено искусство.

— Прошу, не нужно, — говорит юрист. — Я почти закончил.

Проектор включается.

Появляется изображение на стене. Сначала расплывчатое. Потом оно стабилизируется.

На снимке — ты. Та самая фотосессия.

Комнату озаряет свет, исходящий от проектора. Бледно-голубой и холодный.

Ты помнишь, как была сделана эта фотография. И понимаешь, что ни за что не объяснишь людям её красоты. Может быть, это мог бы сделать режиссёр. Но не ты.

— Я жду, — говорит директор, теряя терпение. — Говори, ну же!

Юрист быстрее перебирает бумаги. Протягивает тебе какой-то договор.

— Подпишите здесь и вот здесь.

Ты берёшь в руки ручку. Читаешь договор. В нём говорится о том, что ты никогда не работала в этом банке. Твоё имя стирают из анналов его истории. Ещё там говорится, что ты уволена.

— А моё выходное пособие? — спрашиваешь ты, хотя деньги тебя не волнуют. Уже нет. Ты ведь теперь звезда, а у звёзд много денег, верно?

— Конечно, — отвечает юрист. — Вот оно.

Он протягивает тебе конверт. Ты забираешь его. Потом подписываешь бумагу.

Директор листает фотографии: одну за другой. Все те, что выложены в Сети. Твоё наследие. Память.

— О боже, — говорит директор.

Он доходит до твоей любимой. Той, которая врезается в память с одного взгляда и уже никогда не покидает разум.

— Эта штука теперь всегда будет стоять у меня перед глазами, — говорит охранник, отворачиваясь.

— Как будто сам сатана выжег это изображение на сетчатке моего глаза, — говорит юрист, прикрывая глаза руками.

— Не… могу… дышать… — говорит директор, сползая со стула. Его тошнит прямо на ботинки юриста. Он опускается на колени, держась одной рукой за стол, а другой развязывает галстук.

— Врача, срочно, — говорит юрист.

Охранник кивает, сообщает что-то по рации. Юрист уже возле директора. Помогает снять галстук, укладывает директора на бетонный пол. Кладёт ему под голову свой пиджак.

— Сердце… — говорит директор, держась рукой за грудь.

— У него удар, чёрт! — кричит чуть не плача юрист.

— Как так можно… — говорит охранник, старательно не глядя на изображение, которое занимает всю стену.

Ты тоже смотришь и думаешь: нет, ну а что такого?

Потом дверь открывается, вбегает врач, охранник закрывает путь, но его сбивают с ног, толпа рвётся с новой силой. И прежде чем они добираются до тебя, ты успеваешь подумать о словах режиссёра, когда в очередной раз возвращаясь к камере он посмотрел на тебя и сказал:

— Как красиво. Умереть можно.

Блабл и Мастер маскировки

Я успокаиваю себя, говоря, что в мире полно людей, которые ведут себя гораздо неблагодарнее меня. Например, те из нас, кто выкладывают фотографии своей семьи в Сети — не заботятся об их безопасности, дают повод посмеяться над своими близкими. Или те, кто зовут своих родителей сниматься в свои тупые видеоролики. Бедные, потерянные родители таких детей: смотришь на них и хочется рыдать.

Но обо всём по порядку.

Утром я иду на собеседование в компанию «Драньё», которая занимается утилизацией бывших в употреблении секс-кукол. Предлагаемая должность: тестировщик в отделе качества. Обязанности: проверять продукцию на пригодность к дальнейшему использованию.

С веток голых деревьев капает вода — повсюду тает снег, начало весны.

Собеседование проходит удачно. Меня просят показать член, я соглашаюсь, хотя мне и стрёмно светиться.

— Вот это да, — говорит Кукла, облизывая губы. — Свой такой, что ли?

— Нет, — говорю. — Подобрал, пока к вам шёл.

— Искривлён немного, — говорит Кукла. — Но ничего.

— Пробовать будете?

— Пожалуй, нет. Я так. На глаз.

— Ваше право.

Я застёгиваю штаны.

Кукла сглатывает слюну.

Когда я уже ухожу, она говорит:

— Вы мне нравитесь, честно. Но вряд ли вас утвердят.

— А что так?

Она смотрит на меня и говорит:

— Хочу, чтобы вы просто знали.

— Но почему?

— Есть другие претенденты на эту должность. И у них, знаете, член поровнее будет.

— Всего несколько градусов. Замерьте, если не верите.

— Я верю, честно. Но компания настроена принципиально.

— Разве не плевать, как их тестировать?

— Мне жаль.

После собеседования добираюсь до леса на окраине города. Ныряю в маленькую рощу, пересекаю её по снегу. Примечаю взглядом дерево, что прочнее других. Забираюсь на ветку, расположенную в нескольких метрах над землёй. Сажусь, прижимаясь спиной к холодному стволу. Одну ногу вытягиваю, другую свешиваю. Вокруг никого. Тишина. Покой. Наслаждаюсь моментом — недолго. Потом достаю маленький бинокль, который я украл в театре, когда мы с Евой ходили на спектакль «Над кукушкиным гнездом» — во время него актриса забыла слова, долго смотрела в зал, а потом упала в обморок. Все засуетились, постановку прервали. Когда я забирал верхнюю одежду в гардеробе, меня не попросили вернуть бинокль обратно, так что, можно сказать, я вовсе и не крал его. Теперь же, смотря через него на людей, которые играют с собаками на склоне холма, кривляются и записывают видео среди частных домов или просто бегают по полю в спортивной форме — я испытываю радость от того, что такой прекрасный аппарат, столь каверзный инструмент, как бинокль, попал ко мне в руки волей случая. Я пришёл сюда уединиться, спрятаться от всех, когда звонит телефон. Озираюсь, поражённый, что тут, в лесу, есть ещё кто-то, кроме меня. Потом понимаю: трезвонит мой собственный телефон. Удивляюсь — мне обычно никто никогда не звонит. Руку в карман куртки, отвечаю:

— Алло? Сынок? — Голос матери. — Ну как ты?

— Всё круто, — говорю, изображая, что сильно занят. — Как вы? Порядок?

— Да, у нас всё хорошо. Занят?

— Минутка найдётся, — говорю. Я ведь воспитанный.

— Чем занимаешься? — спрашивает мать.

— Работаю, — говорю. — Делом занимаюсь.

— Да ну? — Мать восклицает, не скрывая восторга. — Поздравляю. Молодец! А каким? — Мать говорит в сторону: — Работу, говорит, нашёл, представляешь? Делом занят. — И снова мне: — Ну как, хорошо? Что за работа, расскажешь?

Слышу, как на заднем фоне начинает тарахтеть отец.

Останавливаю мать до того, как она закатит праздник:

— Ты не так поняла.

— То есть — не так поняла? — спрашивает мать.

Интерес остывает.

— Кхе. Я не о той работе вообще-то говорил.

— А о какой тогда?

Уже гораздо меньше воодушевления.

— О той, за которую не платят.

— Ах, — голос матери падает. — Пишешь снова.

— Плевать, — говорю. — Нормально всё у вас?

Я уже готов прощаться.

— Так я не понял что-то. Ты нашёл работу или нет?

И снова она шепчет что-то отцу.

— Нет, нет и ещё раз нет. Не нашёл. Слышите? Нет у меня работы. Нет денег, нет будущего. Всё прекрасно, ясно? А теперь, прошу меня извинить, но мне пора мчаться.

Я по-прежнему смотрю за людьми в бинокль, но уже ничего не вижу.

В телефон говорит отец — сухо, без приветствия:

— Так что там с работой?

А тон у него такой, будто я обязан ему чем-то.

— В поисках.

— Без изменений, значит, — говорит он, подчёркивая тот факт, что я всё так же остаюсь ничтожеством.

— Так точно, — отвечаю. — Всё верно.

— А ищешь? — спрашивает он так высокомерно, как если бы мой ответ ничего не значил, потому что сам он знает: ни хрена подобного, ничего я не ищу, только делаю вид.

— Занимаюсь этим прямо сейчас, — говорю.

— И как успехи?

— Доспехи? — переспрашиваю, прикидываясь дурачком. — При чём тут рыцари, пап?

— Успехи твои как, сын? — повторяет он громче, строже, жёстче. — Нашёл что-то, нет?

— Не особо. Нормально. Связь плохая.

— А ты где сейчас? — спрашивает он.

И снова этот тон: будто он следит за мной. Всё обо мне знает.

И я думаю: а может ли мой отец отследить моё местоположение? Он прошаренный в технологиях. Гораздо умнее меня вообще и в сто раз подкованнее именно в этом конкретном вопросе. А я так — никто. Просто Блабл. Пугало. Холостой выстрел члена двадцатитрёхлетней давности, который, ко всеобщему удивлению, оказался жизнью.

— Коктейль? Какой коктейль, пап? Не понимаю.

— Я спрашиваю: ты где? С кем ты? Дома? Один?

— Что говоришь? Связи совсем нет. Ремонт гремит, пап. Сквозняк пробирается через дыру в стене. Не слышно ничего. Расшатанные перила. Маракашки шуршат на кухне, зовут принять участие в порке. Отказ за отказом. Берегись Агентов, пап. Я серьёзно. Просто прочитай любой роман ужасов в мягкой обложке.

— Что за… Алло? Слышно меня, нет? Я спросил, где ты находишься… — начинает отец, но я перебиваю его.

— Смешать, но не взбалтывать. Понял, пап. Спасибо.

— Что ты несёшь? — кричит он в ответ.

Я едва не падаю с ветки.

— Открытый огонь. Градус отчаяния повышен. Я понял.

— Балабол, — отвечает отец, словно бросает мне в лицо кусок коровьего говна. — Ладно. Ясно всё с тобой.

— Ох, — говорю. — Кажется, связь наладилась.

— Да неужели? Поразительно просто, — отвечает он.

И передаёт телефон матери:

— Ну как ты там, сынок? — снова тот же вопрос.

— Где это — там, мам? — я уже веселюсь.

— Не знаю, — говорит. — А где ты?

— На пятой борозде.

— Это где? — в голосе матери испуг.

Мне надоедает эта игра. Они серьёзные — мои родители. Им всегда не до шуток. А мне всегда не до них.

— Всё круто, мам. Я шучу так. Мне пора.

— Когда приедешь? — спрашивает она с тоской.

— Может, завтра? Пожалуй, нет. Не знаю.

— Много дел? — спрашивает она, будто смеётся.

— Ага. Точно. Всех обнял. Пока-пока.

Я отключаюсь. Убираю телефон, поднимаю бинокль, но тут же опускаю руки, когда замечаю какое-то шевеление в кустах. Точнее нет. Не так. Не в кустах. Это сами кусты шевелятся. То есть двигаются — в прямом смысле слова. Без шуток. Один конкретный Куст перемещается. Отделяется от других кустов и подходит к деревьям. Он замирает прямо перед полем, по которому вдалеке бегают девушки. Куст кашляет, плюётся. Потом подкуривает сигарету. Я трясу головой, уверенный, что это всего лишь очередное наваждение. Но нет, Куст не пропадает. Он затягивается сигаретой — дым уходит куда-то внутрь, прячется между веток — после чего из Куста показывается рука с телефоном. Куст снимает себя на фронтальную камеру.

— Как я вам в таком образе, ребята? — говорит Куст хриплым мужским голосом. — Веселюсь на работе. Угадайте, кем я работаю? Подсказка: не аниматором. А где я нахожусь — угадаете? Пишите в комментарии. Всё, мне пора. Пока!

Телефон скрывается среди веток.

— Так-так-так, — причитает Куст. — Кто у нас тут?

Я замираю. Не дышу почти.

Потом соображаю: Куст говорит сам с собой.

Расслабляюсь. Наблюдаю за ним дальше, сидя на дереве.

Куст выплёвывает сигарету. Начинает шелестеть — где-то внутри своего костюма.

— Ох, да, вот так, сучка, — говорит Куст глубоко озабоченным голосом. — Повернись к лесу передом. Повернись к лесу задом. Вот так, милая. Вот так, да, оу.

И всё это под чавкающий звук.

Чвак-чвок-чвак. Фиу-фиу. Чвак-чвок-чфиу.

Я слушаю, как Куст ублажает себя. Мне хочется смеяться. Хочется подловить его. Но не хочется его беспокоить.

Я беру бинокль и тоже смотрю на девушек. Пытаюсь найти среди них ту, которая так понравилась Кусту. Я завидую его зрению — у меня оно совсем ни к чёрту. Я думаю о его находчивости и о том, сколько сил, труда и времени он вложил в то, чтобы сшить себе такой костюм. Максимально похожий на реальный куст.

Абсурдность бытия, простота безумия.

Я думаю о том, что пока ты идёшь по улице с девушкой и смотришь на девушку, идущую впереди с другим парнем — этот парень смотрит на другую девушку, которая попадается ему на глаза, и в это время позади вас, тебя и твоей девушки, идёт какой-то урод, который пялится на твою девушку. И так по кругу. Без конца.

Я просто живу. Стараюсь не соприкасаться ни с кем. Чтобы не сдетонировать. Чтобы не принести боль и потерю.

— Заебал, — говорю я Кусту. — Найди себе другое место.

Куст замирает, шевеления прекращаются.

Слышно, как девушки на поле кидают мяч.

Слышно, как завывает ветер среди деревьев.

Куст поворачивается вокруг своей оси.

Листья, сделанные из ткани, как я понимаю, но выкрашенные в тёмно-зелёный цвет, шебуршат друг об друга.

— Это я тебе, дрочер, — говорю. И смотрю на него. — Проваливай отсюда.

Куст подаётся вправо, подаётся влево. Мечется, не понимая, откуда идёт голос. Потом замирает на месте. Несколько веток задираются к небу, и сквозь них проступает замаскированное человеческое лицо. Молчание.

Куст охает, переводит дыхание. Что-то шепчет.

— Твою мать… — говорит Куст мужским голосом. — Откуда ты взялся? Твою мать…

— Я был здесь всегда, — говорю.

— Ты настоящий? — спрашивает он.

Этот вопрос пугает меня.

Я думаю: а правда? Что, если я — его выдумка.

Что, если всю свою жизнь я был лишь галлюцинацией Куста?

— Я видел, как ты снимал себя. Это навело меня на мысль. Угадай, какую, пацан?

Куст отвечает неуверенным, дрожащим голосом:

— Даже… не… знаю…

Я изображаю руками камеру, направленную на него.

— Твою же мать! — орёт Куст.

И сжимается в размерах, как мне кажется.

— Чего ты хочешь? — спрашивает Куст.

По голосу ясно: он признаёт своё поражение.

— Покоя? Не знаю, — говорю. — Чтобы ты прекратил сходить с ума.

— А сам-то ты чем тут занимаешься? С биноклем, блядь.

— Я геодезист, пацан. Изучать территорию, осматриваться — вот моя работа. Хочешь верь, хочешь нет. А какая твоя? Не знал, что аниматоры подрабатывают в лесу.

— Я не аниматор, сука! — орёт он снова. — Я же сказал. Ты должен был слышать. А этот костюм — шедевр маскировки. — Он успокаивается и шепчет: — Геодезист, как же. — И громче, подходя ближе: — Ты правда снял меня?

— Нет, — говорю. — Неправда. А теперь отойди, я спрыгну.

Куст делает шаг в сторону.

Я спускаюсь с дерева. Не успеваю ступить на землю, как он прыгает на меня. Я отталкиваю его, пинаю ногой. Он падает на землю. Поднимается. Весь в грязи.

— Теперь ты обосранный куст, — говорю я. И смеюсь.

— Пошёл ты, — отвечает он, задетый за живое. — Идиот. Кретин. Ненавижу всех вас.

— Кого — нас? Геодезистов?

— Людей. Ничего вы не понимаете.

— А ты попробуй, объясни.

— Надо мне это, что ли?

Самообладание возвращается к Кусту. Он выпрямляется. Становится раскованным.

— В таком случае, счастливо оставаться.

— Подожди, — Куст бежит за мной. — Давай поговорим.

— Ты вроде не хотел? Что изменилось?

Я уже пробираюсь через деревья. Куст отстаёт и кричит мне в спину:

— Мне кажется, у нас есть что-то общее, нет?

Внутренне содрогаюсь от его слов.

Потом выхожу на поле. Солнце бьёт мне в глаза.

Дышать становится спокойнее, только когда добираюсь до людей. Прохожу мимо девушек, за которыми он наблюдал, и даже не смотрю ни на кого.

Уже на холме оборачиваюсь. И вижу Куст среди деревьев. Он совсем не выделяется на общем фоне. Мастер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.